

Татьяна Донченко

ФАКУЛЬТАТИВ

УДК 82-993
ББК 84-4
Д67

Д67 **Донченко Т.**
Факультатив / Татьяна Донченко – М.: Литнет, 2026. – 308 с.

ISBN 978-5-524-00040-8

Вау, да этот парень просто послан мне свыше! Я внезапно представила, сколько могу научиться у этого отъявленного сексоголика, скрывающегося за маской ботаника. Он – мой билет не только в хорошие оценки по математике, но и...

– Слу-ушай, – нараспев проговорила я. – У меня идея!

– В-валяй.

Мой сосед вцепился в столешницу обеими руками, потерянный взгляд метался по сторонам.

– А научи меня заниматься сексом! – и добавила с умоляющим взглядом: – Пожалуйста.

Медленно, очень медленно парень поднял на меня офонаревшие глаза и рассеянно моргнул:

– Ч-что?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-524-00040-8

© Литнет, 2026
© Т. Донченко, 2026

Глава 1. Марьяна

Когда у человека нет фильтра между мозгом и языком, чья это проблема? Того, кто высказывает все, что думает, или того, кто вынужден это выслушивать?

Сегодняшним утром я первый посетитель в новом выставочном зале «Галереи Романовой». Простояла полчаса у странной картины под названием «Мой путь». Голова чуть не отвалилась, пока я ею крутила, не понимая с какого ракурса этот «шедевр» перестанет смахивать на то, чем кажется...

– Вам нравится?

Прозвучал голос за спиной, а я нет бы обернуться, взяла и выдала: – У меня есть кот, мейн кун по кличке Бегемот, ну вы понимаете, – нет, как ни глянь, все одно! Нужно перестать ждать чуда от этой картины. – Он у меня редкостный чистоплюй, но иногда бывает сходит с лотка, садится на задницу, и смешно едет по плитке... Так вот, он оставляет мазню куда более занимательную, чем автор «Моего пути».

– Кхм, – женщина за мной откашлялась, смешавшись от моего комментария, а я обернулась и замерла. Вот же ж, блин! Романова Аглая Алексеевна, владелица галереи собственной персоной! Стоит и хватается за шелковый шарф, который ей явно мешает дышать.

– Что ж, спасибо за честность, девушка. – с достоинством ответила женщина в элегантном черном платье, приподняв подбородок. – Как вас зовут?

О, это будет лишнее!

Я не придумала ничего умнее, чем взглянуть на имя автора картины, чтобы убедиться наверняка. Конечно, никто иной, как сама Романова А.А.

Гадство!

Судорожно накинув капюшон и ссутулившись, я попятилась к выходу, проблеяв:

– И-извините.

Все. Теперь путь в галерею мне заказан! Ну надо же! Сколько раз сюда приходила, ни разу не удавалось встретиться с ней лично, как ни пыталась, и на тебе! «Везучая» я...

До пар оставалась еще куча времени, я зашла в «Бон – Бон», чтобы побаловать себя латте с кешью, попросила баристу добавить в него побольше сиропа. Пусть лучше я умру от гипергликемии, чем от стыда. Жаль сегодня не смена Жени Власова. Я бы, возможно, чисто на адреналине решила ему глазки построить. Хотя кого я обманываю? Не решилась бы.

От сахара спокойнее не стало. Наоборот, тревожнее. Почему в романтических фильмах героиням помогает ведро мороженого, а мне – нет?

И тут моя одноклассница Светка Муравьева набросилась на меня у входа в университет. Подкарауливала, что ли? Эта безумная девчонка вечно болтает без умолку, будто у нее в языке костей нет. Забавная у нас команда выходит, языкая: у Светки нет костей, у меня — филтра.

– Василек! – воскликнула она, коверкая мою фамилию Василевская. – Тебя опять разыскивает Быкова. Что ты на этот раз натворила?

– Родилась, – бесцветно ответила я, поправляя капюшон, чтобы ненароком не открылась моя нашкодившая физиономия.

Все же стало любопытно, зачем я снова понадобилась декану факультета, как будто мне мало неудачи в галерее.

– Виктория Антоновна передала, чтобы ты зашла к ней после пар. Опять траблы с оценками?

– К матеше неуд получила, – проворчала я. Зачем на первом

курсе дизайнеров нужна высшая математика – ума не приложу. – Мегамозг зверствует!

– И почему Сергей Алексеевич так на тебя взелся?

Я пожала плечами. Прекрасно знаю причину. Мой дядя Павел Данилов попросил Иванова Сергея Алексеевича помочь мне поступить в университет. Хотя последний год был тяжелым и депрессивным, я все равно училась и готовилась день и ночь. Не думаю, что моих мозгов хватило бы поступить в лучшее учебное заведение города. Теперь Иванов требует с меня больше, чем с остальных. Видимо, он считает, что я должна отработать долг перед его услугой потом и кровью. Проблема в том, что я ненавижу математику и естественные науки! Я творческая личность... Была, по крайней мере.

Я едва дотерпела до конца занятий, рисуя незатейливые узоры на пустых страницах вместо конспектов. Набросала неплохой скетч Светки карандашом, срисовывая с нее, пока она не видела. Нравятся мне ее густые веснушки и рыжие волнистые волосы, стриженные под каре. Она симпатичная, буквально создана, чтобы с нее писали портреты. Жаль, она этого не осознает. И что ей только нужно от меня, неприметной девочки-невидимки? Я с первых дней стараюсь держаться особняком, прячусь как добросовестный социопат, но Муравьева повсюду меня находит. И почему-то считает нас лучшими подругами.

К декану я пошла без энтузиазма, подозревая, что разговор будет не из приятных. Знаю, что у меня плохие оценки, но мне на них наплевать. Как, впрочем, и на всё остальное...

– Можно? – я вошла в кабинет, когда Виктория Антоновна позвала и пригласила сесть напротив нее.

– Марьяна, – тяжело вздохнула женщина, опираясь подбородком на сложенные в замок руки. Видимо, думала, что так ее второй

подбородок будет выглядеть меньше. Наивная. – Расскажи, как твои дела?

– Нормально, – я повела плечом, смахивая с себя неприятные мурашки. Взгляд у этой женщины, конечно! Пронизывает насквозь и пригвождает к стулу, как муху острой иглой.

– Как успехи?

«А то вы не знаете!» – спасибо, спасибо моему мозгу за то, что он вовремя дал сигнал зубам прикусить язык. Я поежилась и оглядела кабинет. Столько книг! С этим множеством может соперничать только библиотека тети Тани. Вот уж коллекция книг так коллекция!

Почему здесь так жарко?

Я хотела скинуть с головы капюшон, но передумала. Не хотелось открывать лицо перед человеком, который намерен во что бы то ни стало заставить его покраснеть.

– Не буду ходить вокруг да около, скажу прямо: – вздохнула Быкова. – Я не хотела поднимать этот вопрос после первого семестра, учитывая твою историю...

Ну вот, началось. Кто-то снова жалеет меня. Последнее, чего хочет ребенок, недавно потерявший родителей, это жалости к себе.

– Скоро летняя сессия, ты понимаешь, что с твоими оценками ты не сможешь её закрыть?

– Еще только конец марта, – сухо заметила я. В горле как будто пустыня. Воды так хочется, хотя бы плоточек!

– Поэтому я и подняла эту тему сейчас. Пока ты еще можешь исправить оценки и наверстать программу.

Чушь! Была бы ее воля, она бы меня прямо сейчас вышвырнула! Наверняка просто побаивается влияния Иванова в университетской среде. У нее не поднялась рука взяться за меня, его протеже, в первые полгода. Зато теперь она наверняка мысленно потирает руки.

– Вы хотите меня выгнать?

– Если ты исправишь оценки и сдашь все зачеты, у меня не

будет повода. Понятно. Я на грани позорного отчисления. Повод всегда найдется.

– Табель я уже отправила твоим опекунам, – с сожалением призналась декан.

О, нет!

Я впервые встретила взглядом с этой женщиной и не смогла вынести искорок триумфа в ее якобы сочувствующих глазах. Подавив желание отвернуться, я сощурилась и мысленно представила, как поджигаю ее плотно начесанную макушку, обильно покрытую лаком для волос. Вспыхнуло бы знатно!

Я не жестокая, нет. Просто не люблю, когда проецируют свои неудовлетворенные амбиции на меня. Да, Быкова декан, а Иванов нет. Она своего добила, вероломно украла желаемое кресло, буквально само идущее под задницу профессора Иванова. Какой скандал был! Еле замяли!

Только вот, вместе с должностью расположение коллег Быкова так и не заполучила. Уважение – это не приложение к должности. Уважение – это нечто, над приобретением которого трудишься всю жизнь. Мало только получить его, нужно ещё и работать в поте лица, чтобы не потерять. Уж я-то знаю.

М-да, жаль только теперь дома скандала не избежать. А как расстроится тетя Таня!

Я пулей вылетела из кабинета Быковой, наскочив на какого-то парня, который от силы столкновения что-то вскрикнул и выронил из рук бумаги. Он неуклюже собирал их и снова рассыпал. Вот рохля! Я хотела помочь, но дурацкие слезы запеленали глаза. Вдруг он увидит, еще допрашивать начнет, изображать участие, сочувствие, больно надо! Раз уж такой недотепа, не видит куда идет сквозь окуляры, пусть сам собирает свое барахло.

Не помню, как добралась до остановки и села в автобус. Зато помню, как всю дорогу посыпала голову пеплом, не понимая, как дошла до такой жизни. Как это получилось, что я, бывшая отлич-

ница в школе, вдруг скатилась до двоек и угрозы отчисления за первые полгода учёбы? Дядя Паша больше никого ради меня не станет уговаривать. И Романова! Что теперь делать? Я ведь хотела учиться рисовать именно у неё! Тетя Таня будет в шоке от моего эпического позора.

Может, не говорить им о галерее и университете? Взять и сбежать куда-нибудь, мне ведь уже есть восемнадцать...

Водитель громко объявил конечную остановку и многозначительно уставился на меня. Я побрела по улице и задумчиво оглядывала одинаковые «пряничные домики».

Нет, не могу я бросить Даниловых. И даже не потому, что они быстро и без лишних проволочек взяли на себя ответственность за мою жизнь, когда родителей вдруг не стало. Я ни в коем случае не хочу быть неблагодарной. Да и куда я без них? Привязалась уже. Надеюсь, они об этом не догадываются, а то возмнят еще...

Тетя Таня и дядя Паша живут в новом элитном районе в пригороде. Красивые и совершенно одинаковые таунхаусы с парковочными местами, шлагбаумами, видеонаблюдением и множеством всяких плюшек для безопасности района. Окна каждого таунхауса смотрят прямо в окна напротив. А задний дворик, размером ровно две сотки, упирается в соседний задний дворик точно такого же размера. Если посмотреть на план района сверху, его словно под линейку расчертили. И всё это единообразие разбавили детскими площадками и еловыми рощами.

Поначалу я часто терялась и находила нужный дом только благодаря электрокару, припаркованному у двери. Дядя Паша гордо заряжает свою красавицу черную БМВ от розетки перед домом. Павел Данилов – известный мастер авто тюнинга. Он может голыми руками разобрать машину, залезть в её мозги и перепрошить на свой лад.

Он директор лучшего автосервиса в городе по версии Яндексa, даже наклейка на двери есть и значок в поиске. Гордости у всех Даниловых выше крыши!

В коридоре я разулась, втиснула кроссовки в узкое пространство среди бесчисленных девчачьих ботиночек. Даши и Маши еще нет дома, скорее всего, они на тренировке, трудятся в поте лица. Ох, помню, как и я когда-то посвящала большую часть времени тренировкам и соревнованиям. Даже доехала до Штатов, хоть и не заняла подиум, но страну посмотрела. Мама с папой все равно были на седьмом небе от счастья и гордости. Но не стану думать о них, а то снова расплачусь.

Я глянула на себя в зеркало и стерла черные точки от туши под глазами. Не хочу, чтобы опекунша сразу поняла, что у меня неприятности.

Я нашла Татьяну Данилову на ее излюбленном месте на диване. Она окружила себя блокнотами, исписанными черными чернилами, ноутбук стоял на подставке на коленях, в ушах наушники, а под рукой чашка кофе – картина маслом: «писатель за работой». Но то, что я не ожидала увидеть – это ее слезы. Она плакала, иступленно клая по клавиатуре в каком-то вдохновенном порыве. Чего там можно плакать в этой порнушке? Кому-то яйца зажало? Хрен отвалился? О-о! Хоть бы, хоть бы! Такое бы я почитала!

– Марьяна? – блин, тетя Таня заметила меня сразу же и сняла наушники. – Ты сегодня рано.

– А вы... плачете? – шикарный вопрос, Марьяна!

– Ой, не обращай внимания, – отмахнулась тетя Таня, отставляя ноутбук и выбираясь из кучи книг и блокнотов. – Финальная сцена эмоциональная получилась.

– Хм... – «ох, молчи, молчи, Василевская, нельзя обижать своих!»

– У меня там картофельная запеканка, но если не хочешь, есть еще макаронны и, вроде бы, сосиски оставались. Погреть тебе?

– Не нужно, я и сама могу, не хочу вас отвлекать.

Если тетя Таня оторвалась от ноутбука, то уже не сядет за него обратно, пока вновь не останется одна.

– Давай беги переодевайся, мой руки и за стол, а я пока из духовки запеканку достану. С тобой поем. Кажется... – она нахмурилась, глядя на часы, и поправила распутанный пучок на голове. –... забыла даже позавтракать.

Как тут отказать, когда запах мяса и картофеля с чесноком заставил мой желудок урчать еще у входной двери? Я поднялась в свою комнату и быстро переоделась. Мой гардероб не отличался разнообразием: одни легинсы, толстовки и худи с капюшонами, и все черного цвета. О! Вру, есть пара серых скинни и розовые конверсы.

Моя комната. В доме Даниловых стихийно образовалась еще одна детская. Их и так было две: Маши и Даши. Раньше третья спальня на втором этаже была оборудована под кабинет. Я видела его как-то в соцсетях тети Тани, она гордо показывала обустроенное место для творчества: широкий дубовый стол, диван, кресло, и все стены в книгах! Балкон – отдельная вселенная для творчества. В теплую погоду она писала в кресле-качалке. А теперь, с моим появлением, ей пришлось расстаться с кабинетом, переделав его в подростковую спальню. Каждый раз заходя в эту комнату, я чувствую укол совести за то, что невольно отобрала у писателя ее личное пространство.

Я зависла у раскрытого шкафа, осознав, что нужно что-то менять. Я носила траур почти год, и вряд ли мои родители были бы в восторге от того, что он затянулся. Мама вообще устроила бы взбучку за отсутствие цвета, она любила все яркое.

Оглядев комнату, я поняла, что забросила не только свой внешний вид, но и место, которое оторвали от сердца и отдали мне. Я превратила эту комнату в помойку: вещи в хаосе валялись повсюду, учебники, книги, а мой мольберт пылился в углу. Краски, нетронутые, свалены на полке, стены давно нуждались в покраске. После снятия книжных полок остались дырки, которые дядя Паша зашпаклевал, я же так